

Историческая суицидология: по материалам старообрядческих самосожжений

М.В. Пулькин

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

В статье рассмотрены основные закономерности подготовки и осуществления старообрядческих самоубийств. Цель статьи состоит в попытке объединения исторических открытий и результатов психологических исследований для понимания такого существенного элемента церковного прошлого как массовый ритуальный суицид приверженцев старой веры в XVII–XVIII вв. Ведущую роль в самосожжениях играли старообрядческие наставники (старцы), которые обладали многочисленными познаниями, включавшими как технологию строительства необходимой для самосожжения постройки («згорелого дома»), так и военными навыками, необходимыми для организации ее обороны. Но особенно важным элементом их познаний были навыки психологической обработки собравшихся «к згорению» крестьян. Они включали создание атмосферы крайнего пессимизма, ограничения в пище, исполнение многочисленных обрядов. Появление отрядов, призванных пресечь самосожжение, отождествлялось с вторжением враждебной силы (мира Антихриста) и практически всегда ускоряло трагический финал. Все это в конечном счете привело к продолжительной эпидемии массовых самосожжений, а также распространению других видов ритуального суицида.

Ключевые слова: суицид, эсхатология, старообрядчество, проповедь, изоляция.

Полноценное изучение общественной жизни становится возможным исключительно благодаря совместным усилиям историков и психологов, равно как и представителей множества других специальностей. При этом психологам приходится знакомиться с многочисленными и весьма специфическими историческими документами, а историкам необходимо за короткое время освоить психологическую литературу. В реальности такое счастливое стечение обстоятельств встречается крайне редко. Тем не менее возможности психологической науки необходимо использовать там, где исторические исследования явно заходят в тупик. Это простое соображение касается и многочисленных самоубийств, совершаемых по различным мотивам, в прошлом чрезвычайно важным, но зачастую непонятным современному человеку. В ряду этих загадочных суицидов выдающееся место занимают старообрядческие «гари» — коллективные самосожжения старообрядцев, происходившие как в связи с преследованиями, так и без каких-либо видимых причин в различных частях России, но преимущественно на Европейском Севере и в Сибири. *Цель данной статьи состоит в попытке объединения исторических открытий и результатов психологических исследований для понимания такого существенного элемента исторического прошлого, как массовый ритуальный суицид приверженцев старой веры в XVII–XVIII вв.*

Затруднения, неизбежно возникающие при выяснении причин самосожжений, иногда приводили к неосторожным попыткам связать их с кратковремен-

ным умопомрачением, охватившим огромные массы людей, или психическими заболеваниями. Первая попытка такого рода стала историографическим курьезом. П. Андреев объявил самосожжения следствием пиромании [2, с. 378]. В дальнейшем эта идея нашла поддержку (конечно, в более корректной форме) в современной американской историографии. Так, Р. Пайпс полагал, что самосожжения связаны с массовым помешательством на эсхатологической почве, внезапно произошедшим на обширной территории в конце XVII в.: «во время этого религиозного психоза самосожжение совершили по меньшей мере 20 тысяч человек. Иные фанатики-староверы даже поговаривали о том, чтобы спалить всю Россию» [18, с. 310]. Нельзя не заметить, что объяснение массового суицида тяжелыми формами коллективного помешательства является попыткой отмахнуться от сложной проблемы («сумасшедший, что возьмешь...»), а не итогом ее глубокого исследования. В настоящее время историк имеет возможность опереться на фундаментальные исследования суицидального поведения.

Старообрядческие «гари» как объект внимания психиатров

Важную роль в исследовании коллективных самоубийств на эсхатологической почве сыграл известный психиатр И.А. Сикорский. Он подготовил подробный профессиональный анализ массового само-

погребения религиозных фанатиков в середине XIX в. Труд, осуществленный знакомым с историческими источниками врачом-психиатром, представляет интерес для изучения всех других форм старообрядческих самоубийств (при помощи самоутопления, длительного голодания или холодного оружия), в том числе и самосожжений. И.А. Сикорский категорически отрицал взаимосвязь между старообрядческими «вольными смертями» и правительственными гонениями на приверженцев «древлего благочестия»: «Политическая жизнь, — писал он, — социальные бедствия, преследования правительств скорее вызывают появление мятежей, активного сопротивления, в самоистреблениях мы имеем дело с психологическим явлением глубоко пассивного типа. Этой своей стороной самоистребление ближе всего подходит к явлениям патологическим» [25, с. 85–86]. Существенный вклад в исследование самосожжений внес знаменитый психиатр В.М. Бехтерев. По его мнению, «убеждения раскольников <...> создают почву для самоистребительных стремлений; но отсюда до массового самосожжения <...> еще далеко». Основой для воплощения идеи самосожжения в действительности стала всесторонняя (как географическая, так и психологическая) изоляция от внешнего мира: «при этих-то условиях самоистребительная проповедь и находит себе благодарную почву» [4, с. 57].

Изоляция означала не только уход в глухие места, но и полное неприятие происходящих в стране событий. Поэтому основным мотивом деятельности старообрядческих наставников, проповедующих «самоубийственную смерть», стало признание несомненного факта завершения мировой истории, реализации в российской действительности самых мрачных апокалипсических пророчеств. Здесь можно сослаться на утверждения профессора Э. Шнейдмана: «суицид не является случайным действием. Он никогда не бывает бессмысленным или бесцельным. <...> Цель каждого суицида состоит в поиске решения проблемы, стоящей перед человеком и причиняющей ему интенсивные страдания» [31, с. 353]. Развивая эту мысль, можно сказать, что обычные формы преодоления духовного кризиса, в том числе и дискуссии с отступниками («никонианами»), в такой обстановке старообрядцы сочли недостаточными. Наиболее радикальной формой избавления от «мира Антихриста», начиная с 1660-х гг., стало самосожжение, практикуемое наряду с самоутоплением, добровольной голодной смертью («запощиванием»), самопогребением (см. подробнее: [23]). Распространение самосожжений по территории России оказалось стремительным. С психологической точки зрения все объясняется достаточно просто: «Заразительность самоубийств до такой степени общеизвестна, что не может никого удивлять эпидемическое их распространение» [4, с. 62]. В современном процессе изучения самоубийств существенную роль играют публикации в специализированных журналах, проливающие свет в основном на современные суици-

дальные тенденции среди молодежи [27, с. 110–111]. Нельзя не заметить определенную преемственность между исследователями начала XX и начала XXI вв. Однако некоторые аспекты суицидального поведения неизбежно ускользали от внимания специалистов. К числу таких пробелов в исследованиях относятся слухи, послужившие благодатной почвой для проповеди самоубийств.

Слухи: формирование, закономерности распространения, воздействие

Способом воздействия на потенциальных участников «гарей» — неграмотных крестьян — стали слухи. Как показывают современные исследования данной проблемы [22, с. 143–149], информация, сохраняемая и передаваемая в виде слухов, может подразделяться на следующие разновидности. Во-первых, это *слухи-пророчества* (предупреждения), суть которых заключается в изложении необычных фактов, свидетельствующих, по мнению рассказчиков, о предстоящих катастрофических событиях. Например, один из иноков, земляк патриарха Никона Димитрий, привез патриарху в дар осетра и остался ночевать в его палатах. Ночью он стал свидетелем ужасной сцены: увидел патриарха «в большой палате от множества бесов почитаема, и любезне лобзаема, и яко царя венчаема, и вси поклоняхуся ему». При этом бесы с восторгом говорили: «воистину, ты — любезный нам друг есть и больший брат наш!» [26, с. 21]. Другой «очевидец» сообщал, что Никон, будучи в Ферапонтовом монастыре, «подъезжал на лодке к острову и волшебными заклинаниями вызывал дьявола». Враг рода человеческого немедленно являлся в образе страшного змея. «Никон обнимал змея и целовал, потом обычно спрашивал и узнавал от него, что говорят в народе о нем, Никоне» [26, с. 21].

Слухи-пророчества нередко открывали дорогу к сознанию все новых и новых адресатов, расчищая путь для иных разновидностей слухов, создавая такую атмосферу неопределенности, эмоциональной доминантности и присущей всем людям в критические моменты жизни особой доверчивости, при которой любая информация просто не могла восприниматься критически-рационально. Далее активизировались *слухи-побуждения* к действию. Они указывали выход из ситуаций, которые чуть ранее рисовались как безвыходные. Конечно, такой выход чаще всего представлялся как экстраординарное действие (например, самосожжение). Спасшийся в последний момент из «гари» старообрядец Павел Еремеев на допросе показал, что перед самосожжением «слышал от объявленного наставника своего, что священномученик Мефодий, патриарх царьградский, в житии своем написал: “Вопросит царь с мертвых дань, в тья времена отречутся люди православныя веры и святого крещения, и честного животворящего креста, без бою, без мук и ран. А овья не захотят отрещись православной веры, и святого крещения, и святого Крес-

та Господня, волею своею будут собираться и огнем сожигаться. Всякого их Господь причтет с мученики». Теперь, утверждал старообрядческий наставник, древнее пророчество сбылось: «оное де святой Мефодий писал на нынешнее время, ибо ныне с мертвых дань берут, потому что государь Петр Первый узаконил ревизии и когда сколько в ревизии написано будет людей, то хотя ис того числа многие и помрут, однако ж народ принуждают подати до будущей ревизии платить» [Российский государственный архив древних актов, ф. 7, оп. 1, д. 2138, л. 56, об.].

Замыкали череду слухов особые *слухи-оправдания*, призванные доказать, что «самогубительные смерти», произошедшие под мощным влиянием предшествующей группы слухов, оказались единственно праведными, нормальными и допустимыми. Например, в произведении старообрядческого историка Ивана Филиппова (первая половина XVIII в.) изложены наблюдения «караула на огнище» — то, что видели солдаты, охраняющие место палеостровского самосожжения. Как утверждал старообрядческий историк, в одну из ночей на место, где еще недавно бушевало пламя, спустился огненный столп, «разными цветы цветущий», из которого вышли трое. Судя по облачению, это были два священника и дьякон. Оказавшись на земле, они совершили обряд, напоминающий крестный ход: «хождаху они мужие около огнища на посолонь, един в руках имея крест, благословляющий и ограждая огнище, а другой чашу нося с водою и кропя огнище, а третий имея у себе в руках кадило со углем и фимиамом и кадяще огнище, по обычаю дьяконскому». При этом все трое тихо пели какую-то молитву. Троекратно обойдя место самосожжения, они вернулись в столп и исчезли. После такого «чюдного видения» изумленные караульщики решили, вопреки обыкновению, достойно похоронить всех участников самосожжения: собрали их «кости и телеса», закопали и на могиле поставили «сруб в три бревна» [10, с. 64]. Итак, распространяющиеся о самосожжениях разнообразные слухи не являлись разрозненными сообщениями. Напротив, они представляли собой систему, складывающуюся стихийно, в разных местностях России, но в совокупности призванную помочь проповедникам «огненной смерти» вовлечь в пламя самосожжений максимальное число жертв. Под воздействием слухов развивались дальнейшие трагические события.

Подготовка к самосожжению: психологические аспекты

Источники позволяют рассмотреть вопрос о том, какими принципами руководствовались старообрядческие наставники, выбирая место для «гари». На самом деле это не было простой задачей. С одной стороны, изучение документальных материалов показывает, что местом самосожжения чаще всего избирались глухие, удаленные от поселений места, где возводились специальные постройки, названные в докумен-

тах «згорелыми домами». Известно, что «важным фактором суицидов является географическая, социальная или эмоциональная изоляция» [8, с. 291]. Так, перед одним из крупнейших в истории старообрядчества самосожжений близ дер. Мальцевой в 1756 г. «старцы», специально приглашенные для организации «гари», «указали место горения». Они предусмотрительно «благословили его в лесу среди топей и болот». Здесь, под их руководством, старообрядцы возвели девять изб, «из которых две, поставленные тесно одна к другой без внутренней между ними перегородки, представляли что-то вроде моленной. Под избами, в подвальных помещениях, были сложены смолье и солома» [3, с. 38]. С другой стороны, единичные свидетельства показывают, что самосожжения могли происходить в памятных для старообрядцев местах. Так, по утверждению С. Зеньковского, Палеостровский Рождественский монастырь «привлекал этих ужасных и иступленных водителей на гари» потому, что «по старообрядческому преданию именно здесь, по приказанию Никона, был убит или сожжен первый мученик за старую веру, епископ Павел Коломенский» [9, с. 445].

В удаленных от жилья глухих местах начиналась неторопливая подготовка к «гарям». Формирующееся сообщество самосожигателей обладало весьма парадоксальными чертами. В частности, материалы следственных дел о «гарях» подтверждают вывод французского социолога Э. Дюркгейма: «В известном смысле, бедность предохраняет от самоубийства» [7, с. 283]. Эту идею поддерживают и современные суицидологи: «Социально-психологические исследования свидетельствуют о том, что уровень самоубийств выше в тех странах и среди тех слоев населения, где выше материальный уровень жизни» [32, с. 21]. Погибавшие в огне люди отнюдь не принадлежали к беднейшим слоям общества, ими двигало не отчаяние, не «социальный протест», а совершенно другие мотивы. По данным следствия по делу о самосожжении, обнаруженным И.А. Черняковой, обитатели 15 дворов, добровольно принявших смерть в лесу вблизи деревни Насоновской Андомского погоста, «имели очень хорошо организованные и обустроенные дворы, в которых было все необходимое для жизни крестьянской семьи». Недалеко от этой деревни в лесу сохранилось пристанище, в котором крестьяне могли укрыться, а при необходимости — выдержать осаду. В нем имелись запасы, позволяющие жить «в течение длительного времени без контактов с внешним миром» [29, с. 238].

В такой обстановке создание сплоченного сообщества самосожигателей и осуществление огненной смерти являлось непростой задачей. Изучая документы, посвященные этой проблеме, невозможно отделаться от ощущения театральности всего происходящего. Такое восприятие возникает из-за того, что и обращение к сторонникам, и проклятия в адрес врагов, «слуг Антихристовых», «никониан», становились частью сложного, многосоставного обряда, предшествующего самосожжению. Эти слова созда-

вали соответствующую экзальтированную атмосферу в сообществе самосожигателей, что вполне закономерно и в психологическом плане легко объяснимо: «Театральные представления, где образы представляются толпе в самой явственной форме, всегда имеют на нее огромное влияние» [12, с. 148]. Перед одним из поздних старообрядческих самоубийств, самопогребением близ Терновских хуторов в середине XIX в., вновь звучали знакомые эсхатологические аргументы. Наставница старообрядцев «не щадила красок и сильных слов и не останавливалась ни перед какими средствами: она говорила, что Антихрист пришел, что конец мира наступит не то, что через год-два, а может быть через два-три дня, что тот, кто не хочет закопаться, делает пустой расчет в каких-нибудь два-три лишних дня жизни» [25, с. 22].

В прошлом, на начальном этапе самосожжений, эти сцены отличались значительно большими масштабами, как по длительности, так и по числу индивидов, вовлеченных в зловещий спектакль. В 1679 г. в Тюменском уезде близ Ялуторовской слободы на реке Березовке начало формироваться старообрядческое поселение. В нем главными действующими лицами становились истеричные «старички и девки», которые словно заражали всех остальных своим фанатизмом. Они «бились о землю» и во время припадков выкрикивали, что видят «пресвятую Богородицу и небо открыто, ангелы венцы держат тем людям, которые де в той пустыни постригаются». Эта проповедь возымела действие: «многие из Тарска, из Тюмени и из других городов, и Тобольского уезда из слобод и Тюменских иных городов, из уездов всяких чинов людей, оставя дома с животы свои и скот, бежали к тому старцу Даниилу в пустыню с женами и детьми, и многие постригались». Лишь несколько человек не поверили старообрядческому наставнику. Как говорилось далее в цитируемом документе, «розная, что в пустыни вся прелесть от диавола, возвратились и поехали в дома свои». Большинство прибывших остались в пустыне. Для них предсмертная агитация продолжалась: «у того ж старца Даниила в келье пред иконами две черницы да две девки беснуются». При этом они произносили обычные для старообрядцев обвинения: «злую свою прелестью, возлагают хулу на церковь Божию, и троеперстное сложение, чем православные христиане знаменуют лице свое, называют антихристовою печатью, и новоисправленных книг принимать не велели». Особых проклятий удостаивались приходские церкви и обрядность. По словам женщин, «церкви де Божии осквернены и вся в них деетца скверная; и четвероконечный крест называют крыжем» [1, с. 217]. Итогом событий стала массовая гибель в огне.

Иногда в старообрядческих сочинениях содержатся указания о том, что наставники самосожигателей распространяли ложные слухи о приближении солдат, чтобы подтолкнуть смертельно напуганных людей к последнему роковому шагу. Как пишет решительный противник «гарей» старообрядческий публицист Евфросин (конец XVII в.), коварный «губитель братский» старец Иван Кондратьев сообщил

своим сподвижникам: «Лютая беда и бесконечная нас постиже: два полковника с полками, с копии и з бердышами [идут] мучить нас и к антихристу приводить!». В ответ раздался всеобщий крик: «беги, беги в поломя, зажигайся, не медли!». Но на самом деле, пишет далее этот же автор, никакой угрозы нет: «А и бес ли гоняет? Полковников не бе и полки не явлены» [17, с. 59]. Евфросин считал такой способ организации самосожжений типичным: «Все-то вы так вы, самосожжения столпы: чем бы ни утрашить, толко бы в огонь поспешить!» [17, с. 61]. Наряду с угрозами существенное значение имел авторитет старшего поколения и семейные связи. Во время самосожжения в дер. Мальцевой (недалеко от г. Барнаула) в 1756 г. родство сыграло свою роковую роль. Из 154 человек, включенных впоследствии в список погибших, половину составляла молодежь добрачного возраста. При этом именно старики, силою своего родительского авторитета, не только шли на смерть сами, но и привели множество молодежи и младенцев в огонь (по подсчетам Н.А. Миненко, в Сибири численность детей до семи лет в числе погибших в пламени оказалась равной 18,83 %) [14, с. 81–82].

Существенную роль в организации самосожжений играли постройки особой конструкции, называемые в следственных делах «згорелыми домами». Известный исследователь ритуального суицида Д.И. Сапожников утверждает, что у сгоревших в 1742 г. в Устюжском уезде старообрядцев «изба была так устроена, чтоб никому из нее нельзя было выкинуться» [23, с. 91]. Последнее обстоятельство особенно важно с психологической точки зрения. Как известно, «ограничение произвольных движений чрезвычайно важно для внушаемости» [4, с. 157]. Наставники старообрядцев, вероятнее всего, догадывались об этом специфическом феномене психики и активно использовали его для своих целей. Особое значение при строительстве «згорелого дома» и организации самосожжений придавалось «железному утверждению» — замкам и решеткам на окна и двери. Первое упоминание о такого рода хладнокровной предусмотрительности старообрядцев содержится в обширном труде Евфросина. Каргопольские старообрядцы-самосожигатели, писал он, сами себе не верят: «окны и двери укрепляют, дабы по зажжении, аще и сам кто от них восхошет от них убежати, но да не возможет» [17, с. 77]. Ограничение передвижений, скопление «на смертников» в тесной постройке оказывало сильнейшее воздействие на психику. Так, в 1685 г. старообрядцы из «Шведской Карелии» обнаружили в Олонецком уезде дом, в который «собрались молиться и поститься более 600 человек». Собравшиеся в нем старообрядцы «ничего другого не делали, только молились и били земные поклоны, осеняя себя крестным знаменем». Питание все это время оставалось более чем аскетическим: «раз в день им давали немного хлеба и воды». Пришедшим из-за границы старообрядцам удалось спастись, но, уходя, они «заметили пламя пожара и дым, поднимающийся к небу в том месте, где была келья» [11, с. 33].

Как видно из всего сказанного, важную роль в подготовке «гарей» играли старообрядческие наставники, действовавшие с психологической точки зрения вполне грамотно с единственной целью — успешно довести до конца начатое ими необыкновенно сложное дело.

Старцы-проповедники

Процесс распространения «гарей» нельзя назвать стихийным. Выдающуюся роль в подготовке самосожжений возлагалась на старцев из числа наиболее радикальных приверженцев эсхатологических идей. На них возлагалась тяжелая и длительная работа: сбор подопечных, организация сообщества добровольных мучеников, строительство «згорелого дома». Основная суть их деятельности заключалась в передаче «насмртникам» заранее известных аргументов и создании из них сплоченного сообщества саможигателей. Далее срабатывала известная универсальная закономерность поведения толпы: «Внушение, данное героем, вождем, господином момента, принимается толпой и отражается от человека к человеку, пока всякая голова не закружится, всякий ум не помутится» [4, с. 163]. Зарубежные психологические исследования также подчеркивают особое значение внушения при осуществлении преступных деяний и самоубийств. Так, рассматривая психофизиологию толпы, С. Сигеле пишет: «Неужели не очевидно, что среди толпы крик одного человека, слова оратора, поступок нескольких смельчаков — являются внушением по отношению ко всем тем, кто слышит этот крик и эти слова, или видит этот поступок, и что оно доводит их, как покорное стадо, даже до преступных деяний?» [24, с. 39].

При постоянном осуществлении внушения обоснованию необходимости самосожжения отводилось заметное место. При этом на старца-наставника сформировавшаяся в старообрядческой среде традиция организации «гарей» возлагала непростые обязанности. Он обращался практически одновременно как к своим сторонникам, так и к тем, кто по долгу службы намеревался «увещевать» собравшихся для самосожжения старообрядцев. Эту проблему не могли обойти вниманием профессиональные психиатры. Одним из первых в числе исследователей причин самосожжений вопрос о лидерстве в среде приверженцев «огненной смерти» поставил И.А. Сикорский. Он полагал, что внутри общины самоубийц всегда возникало «патологическое ядро, состоящее из субъектов наиболее болезненных и односторонних». Под энергичным руководством наставника оно вскоре становилось «опасным источником психической заразы» [25, с. 5]. В современных исследованиях, посвященных старообрядческим «гарям», роль наставников-саможигателей также всячески подчеркивается. Высказываются не вполне, на мой взгляд, обоснованные, преувеличенные предположения о том, что «именно их страстная проповедь и демонст-

ративные акции протеста влияли на настроение людей, раздражали местное духовенство, возбуждали «властительския гневъ» и, в конце концов, запускали механизм репрессий, приводивший к трагедиям» [30, с. 105]. В реальности наставники действовали куда более осторожно, скрывали свои подлинные намерения, умело маскировались под обычных бродяг.

О странствующих проповедниках «огненной смерти» упоминают документы разных эпох. Так, старообрядческий наставник Тимошка, о котором говорится в царской грамоте новгородскому митрополиту Корнилию, «многих крестьян расколу научил, и от церкви Божиих отлучил, и младенцев крестил, а иных старых и малых вновь перекрещивал». Итогом его деятельности стало массовое бегство за «свейский рубеж» и самосожжение: «в деревне Острове, собрався в овин, сгорело человек с тридцать» [28, с. 220–221]. В Олонецком уезде в конце XVII в. подвизался старообрядческий наставник Федка Пуллоев. Благодаря его неустанным проповедям в Паданском и смежных с ним погостах «учинился мятеж великой, многие люди <...> разбрелись и, собрався, построили пристанище». В нем позднее совершилось массовое самосожжение под руководством другого странствующего старообрядческого лидера — бывшего соловецкого монаха Пимена [16, с. 309]. Эта же устойчивая закономерность проявилась более чем столетие спустя в деятельности старообрядческого наставника по имени Фалалей, который, появившись в 1800 г. в Аткарском уезде Саратовской губернии, поначалу скрывал свои губительные намерения, обучая местных жителей грамоте. Некоторое время спустя, добившись симпатий крестьян, он перешел к выполнению главной цели — проповеди добровольной смерти. Фалалей начал объяснять своим новообращенным сторонникам, что «в нынешнее антихристово время нет для человека никаких средств к спасению души, кроме вольного самоубийства». Вскоре вдохновленные его словами местные жители собрались в пещере для самопогребения [6, с. 433].

Память об огненной смерти: психологические аспекты

Известно, что мотивы саможигателей нередко самым непосредственным образом были связаны с памятью об их подвиге. Впервые об этом со всей определенностью высказался в начале XVIII в. Феофан Прокопович. Некоторые из участников «гарей», полагал он, «прельщаются» грядущей славой, мечтая: «хвалим буду и блажим от всех, аще за сие постражду, напишется обо мне история, пронесется всюду похвала; не един, удивляясь, скажет обо мне: “великодушен муж был, мук лютых не убоялся!”» [21, с. 234]. Документы показывают, что в разных частях России и в разные исторические периоды наставники саможигателей продолжали свою пастырскую деятельность до последних минут, погибая

в пламени самосожжений. В дальнейшем, даже в XIX в., старообрядческие наставники вели свою паству на смерть с вдохновляющей мыслью о том, что на месте их гибели появится «священное место, богатое останками мучеников» [25, с. 97]. С психологической точки зрения их поступки представляются вполне рациональными, хорошо продуманными. Здесь можно сослаться на труды современных специалистов, для которых логическая связь между различными самоубийствами кажется вполне очевидной: «Существует много свидетельств, — пишет Э. Гроллман, — что имитационное поведение играет определенную роль в провокации самоубийств» [8, с. 298]. Более того, «известны случаи многих последовательных самоубийств в одном и том же месте» [там же]. В отношении старообрядцев-самосожигателей это наблюдение представляется вполне адекватным. Как пишет академик Н.Н. Покровский, все самосожжения, происходившие в XVIII в. в Зауралье, «имели между собою тесную связь». Это была цепь последовательных «гарей», инициированных старцами. Старообрядческие наставники, собирая своих родственников и знакомых для самосожжения в верховьях реки Ук, «напоминали им при этом о первой гари на реке Пышме, называли имена общих знакомых, погибших там» [20, с. 56].

В то же время в народном сознании, как отмечает И. Паперно, центральную роль играло не «христианское понятие о смертном грехе», а «чувство опасности, связанное в языческом сознании с самоубийствами как людьми, умершими неестественной, или неправильной, смертью» [19, с. 70]. Для старообрядцев самоубийства верующих «благочестия ради» стали героической страницей истории, а для их противников поддержание памяти об «огненной смерти» превратилось в эффективное оружие идейной борьбы против «древлего благочестия». Начиная с первых «гарей», в старообрядческой среде сохранялось сложное отношение к массовым самоубийствам во имя веры. Известно, что во все времена люди испытывали «два главных чувства по отношению к умершим — ужас перед трупом и страх перед духом». Проявляются и более сложные эмоции — «любовь к умершему и отвращение к трупу, страстная привязанность к личности, о которой все еще напоминает тело, и сокрушительный страх

перед той страшной вещью, что от нее осталась» [13, с. 49]. В старообрядчестве сформировался культ мучеников за веру, в поселениях староверов молились за упокоевание их душ. Но в то же время нередко старообрядцы-современники событий испытывали отвращение к тем, кто принял «огненную смерть». Старообрядческое полемическое произведение, написанное в конце XVII в. неизвестным автором — «Жалобница», — говорит об этом весьма категорично: «И едва ли кто от них в погребение земли предается, вси люди, яко самосудников (самоубийц. — М.П.) гнушаются» [5, с. 57]. Итак, в процессе исследования рассмотрены предпосылки самоубийств, их осуществление и некоторые психологические последствия для общества. Настала пора подвести итоги.

Краткие выводы

Научные достижения в сфере суицидологии позволяют нам прояснить некоторые общие моменты, существенные для исследования массовых самосожжений старообрядцев. Наиболее действенными стимулами для их организации стало ощущение безысходности, связанное с идеей о завершении мировой истории и воцарении Антихриста. Однако сами по себе пессимистические настроения не могли привести к широкому распространению по территории России «гарей», осуществлявшихся по схожим сценариям. Ведущую роль в самосожжениях играли старообрядческие наставники (старцы), которые обладали многочисленными познаниями, включавшими как технологию строительства обязательной для самосожжения постройки («згорелого дома»), так и военными навыками, необходимыми для организации его обороны. Но наиболее существенным элементом их познаний были навыки психологической обработки собравшихся «к згорению» крестьян. Они включали создание атмосферы крайнего пессимизма, жесткие ограничения в пище, исполнение многочисленных обрядов. Появление отрядов, призванных пресечь самосожжение, отождествлялось с вторжением враждебной силы (мира Антихриста) и практически всегда ускоряло трагический финал.

Литература

1. Акты, относящиеся до раскола в Сибири // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1862. Т. 8.
2. Андреев П. Раскол и его значение в народной русской истории. СПб., 1870.
3. Беликов Д.Н. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905.
4. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908.
5. Демкова Н.С. Из истории ранней старообрядческой литературы. «Жалобница» поморских старцев против са-

мосожжений (1691 г.) // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского дома. Л., 1985.

6. Добротворский И. О самосожигательстве раскольников // Православный собеседник. 1861. Т. 1.

7. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1998.

8. Гроллман Э. Суицид: превенция, интервенция и поственция // Суицидология: прошлое и настоящее: проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М., 2001.

9. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995.

10. История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862.
11. *Катаяла К.* Дымом в Царствие Небесное: самоожжения староверов в Шведской Карелии в конце XVII в. // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сб. научных статей и материалов. СПб., 2003.
12. *Лебон Г.* Психология народов и масс. М., 2011.
13. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М., 1998.
14. *Мищенко Н.А.* К изучению семейной этики сибирского крестьянства второй половины XVIII в. // Крестьянство Сибири XVIII — начала XX в. Новосибирск, 1975.
15. *Мухин Н.* Очерк психологии самоубийства. Варшава, 1903.
16. Отписка олонецкого воеводы князя Василия Долгорукова в Новгородский приказ об обнаруженном крестьянином Константином Гяжиным пристанища раскольников в Березовом Наволоке Шуезерского погоста // Карелия в XVII в.: Сб. документов / Сост. Р.Б. Мюллер. Петрозаводск, 1948.
17. Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный старообрядческий трактат против самоожжений 1691 г. / Сообщ. Х. Лопарев. СПб., 1895.
18. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
19. *Панерно И.* Самоубийство как культурный институт. М., 1999.
20. *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест уралосибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1979.
21. *Прокопович Ф.* Увещание от святейшего Синода об уклонении от самовольного страдания и лишения жизни // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. СПб., 1872. Т. 2. № 588.
22. *Пулькин М.В.* Слухи о самосожигателях: истоки, достоверность, фиксация и использование (конец XVII—XVIII в.) // Традиционная культура. 2011. № 1.
23. *Сапожников Д.И.* Самоожжения в русском расколе (со второй половины XVII в. до конца XVIII в.). Исторический очерк по архивным документам. М., 1891.
24. *Сигеле С.* Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. М., 2011.
25. *Сикорский И.А.* Эпидемическая вольная смерти и смертоубийства в Терновских хуторах (близ Тораполя). Психологическое исследование. Киев, 1897.
26. *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898.
27. *Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., Горшкова Д.А., Мельник А.М.* Суицидальное поведение в студенческой популяции // Культурно-историческая психология. 2009. № 3.
28. Царская грамота Новгородскому митрополиту Корнилию о бывших раскольниках // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1842. Т. 5.
29. *Чернякова И.А.* Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск, 1998.
30. *Шашков А.Т.* Неизвестная «гарь» 1685 г. в верховьях Кокшеньги (к изучению истории старообрядческих самоожжений конца XVII в.) // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000.
31. *Шнейдман Э.* Десять общих черт самоубийств и их значение для психотерапии // Суицидология: прошлое и настоящее: проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М., 2001.
32. *Яворский А.А.* Феномен самоубийства в психологии личности (социально-психологический и клинико-психологический аспекты изучения). М., 2011.

Historical Suicidology: Investigating Self-Immolation of the Old Believers

M. V. Pulkin

PhD in History, senior researcher at the Historical Sector of the Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences

The paper reviews the main stages of suicide preparation and suicidal acts of the Old Believers. Historical discoveries and psychological research outcomes are combined in this investigation in the attempt to understand mass ritual suicide of the Old Believers in the 17th–18th centuries, an essential phenomenon in the church's past. It was mentors (monastic elders) who played a leading role in these self-immolations and possessed all necessary knowledge, including the technology for building special self-immolation constructions ('z gorely dom') as well as military skills necessary for defending these constructions. But even more crucial were their techniques of psychological indoctrination of peasants gathering around the self-immolation constructions. These techniques involved creating an atmosphere of utmost pessimism, restrictions on food, executing various rites. Special units that were sent to stop self-immolation were perceived as the invasion of hostile power (the world of Antichrist) and almost inevitably expedited the tragic end. All this finally prolonged the epidemic of mass self-immolations and led to the emergence of other types of ritual suicide.

Keywords: suicide, eschatology, Old Belief, preaching, isolation.

References

1. Akty, odnosyashiesya do raskola v Sibiri // Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arheograficheskoyu komissieyu. SPb., 1862. T. 8.
2. *Andreev P.* Raskol i ego znachenie v narodnoi russkoi istorii. SPb., 1870.
3. *Belikov D.N.* Starinnyi raskol v predelah Tomskogo kraja. Tomsk, 1905.
4. *Behterevo V.M.* Vnushenie i ego rol' v obshestvennoi zhizni. SPb., 1908.
5. *Demkova N.S.* Iz istorii rannei staroobryadcheskoi literatury. «Zhalobnica» pomorskih starcev protiv samosozhzheniya (1691 g.) // Drevnerusskaya knizhnost'. Po materialam Pushkinskogo doma. L., 1985.
6. *Dobrotvorskiy I.* O samosozhigatel'stve raskol'nikov // Pravoslavnyi sobesednik. 1861. T. 1.
7. *Dyurkgeim E.* Samoubiystvo. Sociologicheskii etyud. SPb., 1998.
8. *Grollman E.* Suicid: prevenciya, intervenciya i postveniciya // Suicidologiya: proshloe i nastoyashee: problema samoubiystva v trudah filosofov, sociologov, psihoterapevtov i v hudozhestvennykh tekstah. M., 2001.
9. *Zen'kovskiy S.A.* Russkoe staroobryadchestvo: duhovnye dvizheniya semnadcatogo veka. M., 1995.
10. Istoriya Vygovskoi staroobryadcheskoi pustyni. Izdana po rukopisi Ivana Filippova. SPb., 1862.
11. *Katayala K.* Dymom v Carstvie Nebesnoe: samosozhzheniya staroverov v Shvedskoi Karelii v konce XVII v. // Vygovskaya pomorskaya pustyn' i ee znachenie v istorii Rossii: Sb. nauchnykh statei i materialov. SPb., 2003.
12. *Lebon G.* Psihologiya narodov i mass. M., 2011.
13. *Malinovskiy B.* Magiya, nauka i religiya. M., 1998.
14. *Minenko N.A.* K izucheniyu semeinoi etiki sibirskogo krest'yanstva vtoroi poloviny XVIII v. // Krest'yanstvo Sibiri XVIII — nachala XX v. Novosibirsk, 1975.
15. *Muhin N.* Ocherk psihologii samoubiystva. Varshava, 1903.
16. Otpiska oloneckogo voevody knyazya Vasiliya Dolgorukova v Novgorodskii prikaz ob obnaruzhennom krest'yaninom Konstantinom Gyazhinym pristanisha raskol'nikov v Berezovom Navoloke Shuezerskogo pogosta // Kareliya v XVII v.: Sb. dokumentov / Sost. R.B. Myuller. Petrozavodsk, 1948.
17. Otrazitel'noe pisanie o novoizobretennom puti samoubiystvennykh smertei: Vnov' naidennyi staroobryadcheskii traktat protiv samosozhzheniya 1691 g. / Soobsh. H. Loparev. SPb., 1895.
18. *Paips R.* Rossiya pri starom rezhime. M., 1993.
19. *Paperno I.* Samoubiystvo kak kul'turnyi institut. M., 1999.
20. *Pokrovskiy N.N.* Antifeodal'nyi protest uralo-sibirskikh krest'yan-staroobryadcev v XVIII v. Novosibirsk, 1979.
21. *Prokopovich F.* Uveshanie ot svyateishego Sinoda ob ukloenii ot samovol'nogo stradaniya i lisheniya zhizni // Polnoe sobranie postanovlenii i rasporyazhenii po vedomstvu pravoslavnogo veroispovedaniya Rossiiskoi imperii. SPb., 1872. T. 2. № 588.
22. *Pul'kin M.V.* Sluhi o samosozhigatelyah: istoki, dostovernost', fiksaciya i ispol'zovanie (konec XVII—XVIII v.) // Tradicionnaya kul'tura. 2011. № 1.
23. *Sapozhnikov D.I.* Samosozhzheniya v russkom raskole (so vtoroi poloviny XVII v. do konca XVIII v.). Istoricheskii ocherk po arhivnym dokumentam. M., 1891.
24. *Sigele S.* Prestupnaya tolpa. Opyt kolektivnoi psihologii. M., 2011.
25. *Sikorskiy I.A.* Epidemicheskaya vol'nnyya smerti i smertoubiystva v Ternovskikh hutorah (bliz Torapolya). Psihologicheskoe issledovanie. Kiev, 1897.
26. *Smirnov P.S.* Vnutrennie voprosy v raskole v XVII v. Issledovanie iz nachal'noi istorii raskola po vnov' otkrytym pamyatnikam, izdannym i rukopisnym. SPb., 1898.
27. *Holmogorova A.B., Garanyan N.G., Gorshkova D.A., Mel'nik A.M.* Suicidal'noe povedenie v studencheskoi populyacii // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2009. № 3.
28. Carskaya gramota Novgorodskomu mitropolitu Korniliyu o byvshih raskol'nikah // Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoyu komissieyu. SPb., 1842. T. 5.
29. *Chernyakova I.A.* Kareliya na perelome epoh. Ocherki social'noi i agrarnoi istorii XVII v. Petrozavodsk, 1998.
30. *Shashkov A.T.* Neizvestnaya "gar" 1685 g. v verhov'yah Kokshen'gi (k izucheniyu istorii staroobryadcheskikh samosozhzheniya konca XVII v.) // Problemy istorii, russkoi knizhnosti, kul'tury i obshestvennogo soznaniya. Novosibirsk, 2000.
31. *Shneidman E.* Desyat' obshih chert samoubiystva i ih znachenie dlya psihoterapii // Suicidologiya: proshloe i nastoyashee: problema samoubiystva v trudah filosofov, sociologov, psihoterapevtov i v hudozhestvennykh tekstah. M., 2001.
32. *Yavorskiy A.A.* Fenomen samoubiystva v psihologii lichnosti (social'no-psihologicheskii i kliniko-psihologicheskii aspekty izucheniya). M., 2011.